

Max-Planck-Institut für ethnologische Forschung Max Planck Institute for Social Anthropology

Professor Dr. Günther Schlee, Max Planck Institute for Social Anthropology, PO Box 11 03 51,
06017 Halle/Saale, Germany, Phone: +49(0)345-2927100, Fax: +49(0)345-2927102

Проф., Доктор Гюнтер Шлее, Институт социальной антропологии им. Макса Планка,
а/я 11 03 51, 06017 Галле/Заале, Германия, Тел.: +49(0)345-2927100, Факс: +49(0)345-2927102

Email: schlee@eth.mpg.de (<http://www.eth.mpg.de/~schlee>)

Автор (ы): **Гюнтер Шлее**
Библиографическая ссылка:

[2013] *Коллективная идентичность горожан: Размышления о масштабах города и размере группы*. Презентация на X Конгрессе этнографов и антропологов России «Современный город и социально-культурная модернизация России», Москва, 2 Июля, 2013 (русская версия)

скачано с сайта: www.eth.mpg.de

Author(s): **Günther Schlee**
Bibliographical Reference:

[2013] *Collective Identification in Cities: reflections on city scale and group size*. Presentation at the Plenary Session of the Xth Congress of Russian Ethnographers and Anthropologists "Modern Cities and Social and Cultural Modernization of Russia", Moscow, July 2, 2013 (Russian Version).

Download from: www.eth.mpg.de

Ассоциация этнографов и антропологов России

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая Российской академии наук

Департамент межрегионального сотрудничества,
национальной политики и связей
с религиозными организациями города Москвы

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

АССОЦИАЦИЯ ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ РОССИИ

**ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук**

**Департамент межрегионального сотрудничества,
национальной политики и связей
с религиозными организациями города Москвы**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**МОСКВА
2013**

ШЛЕЕ ГЮНТЕР

проф., директор,
Институт исследования общества
им. Макса Планка, Германия

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОЖАН: РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАСШТАБАХ ГОРОДА И РАЗМЕРЕ ГРУППЫ

Понятия «масштаб города» и «масштабируемые пропорции» стали уже широко употребляться в антропологии города и в исследованиях глобализации. В качестве примера можно привести книгу «Locating Migration: Rescaling Cities and Migrants»¹, вышедшую под редакцией Нины Глик Шиллер и Айше Чаглар в 2011 г. В кратком послесловии к этому тому я² поднял вопрос о том, в какой мере приведенные в этой книге наблюдения могут быть объяснены с точки зрения варьирующегося «размера группы». В ряде случаев я пришел к выводу, что понятия «размер группы» и «масштаб» нужны для объяснения того, что представляется комплексным взаимодействием первого и второго. Конгресс «Современный город и социально-культурная модернизация России» позволяет вернуться к данной теме, хотя о самой России мне сказать нечего. Однако же примеры, найденные в городах разных континентов, могут, как я надеюсь, быть полезны также и при изучении городов России.

Города разной величины обычно имеют также различный масштаб региональной, национальной и глобальной значимости: более крупные города часто занимают на этой шкале более высокое положение и обладают более широкими связями. Однако величина и значимость города – не одно и то же. Устаревание промышленных мощностей или перенаправление торговых потоков может привести к тому, что даже самый огромный город утратит глобальную значимость и станет заметен только на национальном или региональном уровне, да и то не очень. На миграцию влияют как значимость, так и размер города. Можно ожидать приблизительной корреляции, согласно которой крупные города, высоко расположенные на шкале значимости, будут привлекать более крупные популяции мигрантов, а также – если обратить внимание на происхождение последних – больше представителей каждой из их групп. Проиллюстрировать это можно, приведя в качестве обратного примера совсем небольшое местечко.

В вестфальском городке, где живут мои родные, оказавшиеся там эритрейцы, ливанцы, один единственный сомалиец и несколько курдов все знакомы друг с другом и взаимодействуют многими способами. Похоже, что там есть сообщество всех иммигрантов-неевропейцев. Именно такое широкое определение пришлось бы им всем дать. Кроме того, все эти люди происходят из мусульманской среды, но кажется, что последнее имеет для них лишь второстепенное значение. Долго гостивший у нас христианин-кенийец тоже вошел в этот круг.

Если взять для контраста такой город, как Берлин, о котором много говорится в вышеупомянутой книге³, мы увидим, что многие группы мигрантов здесь гораздо многочисленнее. Мигранты разделены по этническим и религиозным границам, их сообщества структурируются по региону происхождения и другим критериям. В каждой такой группе достаточно много людей, чтобы даже по сравнительно узкому критерию можно было составить во многом самодостаточное сообщество (эндогамия, общение, взаимная поддержка и т.д.). Чем больше группа, тем более закрытой она становится. Описать происходящее можно с точки зрения классической главы Фёрниволла «The Plural Society»⁴. Такие группы в значительной мере самодостаточны и формируют закрытые сферы коммуникаций, лишь в определенных точках взаимодействующие с обществом в целом. Часто «точками» такого взаимодействия становятся мужчины. Они выходят на общественный рынок труда и нередко свободно говорят по-немецки, тогда как женщины общаются почти исключительно в пределах турецкого сообщества или определенного его сегмента, и немецкий язык имеет для них небольшую функциональную ценность. Как следствие, они в должной степени им никогда и не овладевают, даже если время от времени пытаются этим заняться и пройти курс его изучения.

Всем знаком тот аргумент, что крупные сообщества могут позволить себе большую внутреннюю сложность, склонны более четко делиться на подгруппы, обладающие большей степенью самодостаточности в большем числе областей, тогда как мелкие сообщества структурированы слабее, и в них более заметна склонность к тому, чтобы все общались со всеми. Рассматривая эту точку зрения, мы переходим от городской антропологии к более или менее внегородской и вступаем в дискуссию о «маломасштабных обществах».

Берреман⁵ увязывает различие между «мелкомасштабным» и «крупномасштабным» с другими дихотомиями, как то: народное-городское, *Gemeinschaft*–*Gesellschaft*, статус-контракт и еще 69 парами понятий. В своем роде большинство социологических и антропологических концепций можно подчинить этому различию или увязать с ним.

Деревни севера центральной части Индии Берреман⁶ разделяет на два типа: горные и равнинные. Равнинные более населены и расположены ближе друг к другу. Их отличает пестрый кастовый состав. Взаимодействие между кастами имеет формальный и контекстуальный характер и осуществляется только до той степени, какой требует экономическая специализация. Во всех прочих сферах жизнь людей разных каст происходит по отдельности. Интенсивное, частое взаимодействие происходит в пределах каждой касты, а не между ними. Благодаря этому высшие касты могут, ограничивая контакты с низшими кастами и неприкасаемыми, соблюдать положенные им стандарты ритуальной чистоты.

Но в горных деревнях – гораздо меньших по численности населения и разбросанных далеко друг от друга – это невозможно. Часто бывает так, что представителей той или иной касты в деревне так мало, что они вынуждены общаться с людьми других каст. В деревне может быть всего один источник воды, или одна лавка, что делает взаимное избегание невозможным. Как следствие, равнинные жители не считают себе ровней членов своей же собственной касты, спускающихся с гор. Те не соответствуют принятым на равнинах стандартам ритуальной чистоты. В стесненных горных условиях полномасштабное существование кастовой системы невозможно.

Рассматривая примеры городских сред Европы и Северной Америки, мы найдем аналогичные модели, с тем лишь различием, что социальными агрегатами здесь будут не касты, а сообщества мигрантов и их подгруппы.

Ганцы и сомалийцы в Германии

Переходя теперь к более близкой мне области исследований, я расскажу о двух сообществах, ставших недавно предметом изучения Института социальной антропологии общества Макса Планка. Одно из этих сообществ – выходцы из Ганы⁷, другое – сомалийцы, которыми занимаюсь я вместе со своей женой Исир, сомалийкой по происхождению⁸. В следующем разделе к ним добавится третье сообщество – нуэр, иммигрировавшие в США, где их изучает Кристиана Фалге.

В книге «Processes of Localization» (гл. 3) Нисванд пишет о том, как ганские мигранты оказались в Германии и как они адаптировались к немецким и берлинским условиям. В течение 1950–70-х годов в обе части Германии прибывал небольшой, но постоянный поток студентов из Ганы (в абсолютных числах в ГДР их было меньше, но пропорционально общей численности населения – несколько больше, чем в Западной Германии). Однако в 1980-х годах число ганцев, стремившихся приехать в Германию, значительно возросло. Мигрантам требовались рабочие места, а в это время иностранная рабочая сила в Германии не приветствовалась, и ее привлечение на основе двусторонних соглашений со средиземноморскими странами уже прекратилось. Часто последней возможностью получить легальный статус для проживания в Германии была подача прошения об убежище на основании политических преследований. Право на убежище гарантируется германской конституцией, которые в свою очередь стало реакцией на те репрессии, что учиняли нацисты. Этот факт немецкой истории побудил Федеративную Республику Германия предоставлять укрытие жертвам зарубежных политических гонений. Поэтому право на убежище было в Германии значительно шире, чем в соседних странах. Этим правом пользовалось все больше людей, особенно после того, как закрылись возможности для других форм иммиграции. Данную тенденцию иллюстрируют приводимые Борисом Нисвандом⁹ цифры: в 1972 г. прошение об убежище подало 5289 чел., в 1989-м – 121 318, в 1993-м году – уже целых 322 599. Когда в конце 80-х годов число ищущих убежища в Германии впервые превысило 100 тыс. чел. в год, начались споры о «злоупотреблении» соответствующими законами. Большие сегменты СМИ и общественности считали, что беженцев стало слишком много¹. В течение 1980-х годов практика рассмотрения прошений об убежище и так уже делалась все более ограничительной, а попасть в Германию, чтобы подать там такое ходатайство, становилось сложнее в связи с необходимостью иметь визу и штрафными санкциями против авиакомпаний, перевозивших пассажиров без виз. В конце концов в 1993 г. в 16-ю статью немецкой конституции, оговаривающую право на убежище, были внесены поправки. Убежище предоставляется теперь лишь в редких случаях, но рассмотрение проше-

¹ Здесь есть еще один скрытый аспект, затрагивающий субъективное восприятие тех или иных величин. Раньше в Германии были одни из самых либеральных в мире законы об убежище. Право на убежище, как отмечалось выше было вписано в немецкую конституцию в качестве реакции на нацистскую диктатуру. Переживая то, что в прошлом они сами творили репрессии и преступления против человечности, теперь немцы хотели предоставлять укрытие любому, кто где-либо на Земле терпел гонения по расовым или политическим причинам. Однако же для многих в Германии цифра в 100 тыс. ходатайствующих об убежище была слишком велика. Но можно спросить: велика – по сравнению с чем? С тем, сколько немцев вынуждено было бежать из родной страны в годы нацизма? С теми шестью миллионами евреев, которым бежать не удалось? Помимо того, насколько сложно определить, «много» это или «мало», есть еще тот момент, что новоприбывших беженцев всегда подсчитывают, тогда как число возвращающихся к себе или перебирающихся в третьи страны в прессе вряд ли когда-либо упоминается.

ния – длительный процесс, в течение которого иммигрант может устроить себе другие основания для получения вида на жительство. Одним из таких оснований может быть заключение брака с немецким гражданином. Это касается, конечно же, и всех других граждан ЕС, поскольку все они имеют право проживать в Германии, но понятно, что большинство граждан ЕС, с которыми можно встретиться в Германии, это, собственно, немцы. Люди, которых интервьюировал Нисванд, говорили, что в определенные годы примерно половину участников тех или иных мероприятий ганской общины составляли немецкие супруги ганцев. С годами многим ганцам удалось получить право на жительство в Германии, не зависящее от брака с немцами (немками). Поэтому их группа стала более эндогамной (одни заключали браки с выходцами из Ганы, другие воссоединялись со своими ганскими супругами), и количество немцев и немок на таких мероприятиях резко сократилось.

Поток беженцев из Сомали не иссякает, по крайней мере, со времен прихода к власти военной диктатуры Сиада Барре (1969 г.). Их число еще больше выросло, когда в 1988 г. своя же авиация разбомбила расположенный на севере страны город Харгейса, а наземные войска стали отравлять колодцы, принадлежащие клану *исаак*. Харгейса – столица бывшей британской колонии Сомалиленд, а численно доминирующий в ее окрестностях клан *исаак* считался соперником режима Сиада Барре, опиравшегося на союз дародских кланов. Следующий внезапный всплеск численности беженцев произошел, когда в 1991 г. был свергнут сам Сиад Барре. Гражданская война, начавшаяся еще до этого, с тех пор так и не прекращается, а лишь меняет степень своей эскалации.

Большой наплыв беженцев около 1991 г. совпал с ужесточением германских законов об убежище. Поэтому между сомалийскими мигрантами, приехавшими до 1990 г. и после этой условной даты, есть фундаментальные различия. Прибывшие позже оказались гораздо более многочисленны и столкнулись с более ограничительной юридической и социальной средой. Часто их положение в Германии было очень шатким. Даже если им позволено было остаться в стране, это не означало разрешения работать. Вместо этого они лишь получали право на ту или иную форму соцобеспечения. Поэтому с годами многие из них перебрались – в основном нелегально – в Англию или другие страны, где есть низкооплачиваемые рабочие места в сфере услуг, которым в Германии не позволяют в той же степени распространиться профсоюзы и государственная политика. Другие переехали в Канаду и прочие страны, где легче получить постоянный вид на жительство и в конце концов – гражданство¹⁰. Направление потоков беженцев, по-видимому, больше зависит от возможности получить легальный статус, чем от их соцобеспечения¹¹. В этой связи Германия лишилась привлекательности для сомалийцев, и многие мигранты после 1991 г. даже не рассматривали возможность остаться здесь надолго, а следовательно – не предпринимали больших усилий по интеграции на месте, а старались скорее уехать из страны. Некоторым пришлось пережить неприятный опыт попыток перебраться куда-либо еще и последующей «репатриации» в Германию.

Объясняя процесс локализации, Нисванд обращает внимание на то, насколько неравномерно ганцы распределены по регионам Германии. На первом месте здесь Гамбург, дальше с большим отрывом следуют Берлин и Бремен. Отчасти это – следствие экономико-географических причин. Среди первых ганских иммигрантов были моряки (как и среди сомалийцев клана *исаак* в Лондоне). Важнейшим фактором, направляющим потоки ганских иммигрантов, служит то, что ганцы едут туда, где уже есть другие ганцы – воссоединяются со своими родственниками и супругами.

Аналогичное наблюдение можно сделать и в отношении сомалийцев. Беженцы получают жилье в самых разных местах, часто – в небольших поселениях, а потом постепенно скапливаются вместе, причем не обязательно в крупных городах. В городах средней величины от 200-300 тыс. жителей сомалийская община также имеет шансы развиваться и достичь желаемой плотности с точки зрения числа и странственной близости внутригрупповых контактов. Так, Мюнстер (270 тыс. жителей плюс большое коли-

¹¹ С известной долей цинизма можно приложить к этой ситуации рыночную модель, в которой «покупатели» – страны, принимающие мигрантов – не обязательно представляют себе, что именно приобретают. В некоторых странах иммиграционная политика либеральна, и в этом случае приток мигрантов принимается как должное. В других случаях приток мигрантов может быть нежелательным результатом того или иного действия или бездействия. В некоторых странах законы ограничивают миграцию, но их не удается применить на практике. Популярность Великобритании как места назначения вызвана многими причинами. Отсутствие регистрации по месту жительства и простота, с которой можно обзавестись несколькими удостоверениями личности, позволяют одному получать соцобеспечение за нескольких человек и пользоваться государственным жильем в нескольких местах. Кроме того, здесь часто без проблем признают «липовые» документы об образовании, а это позволяет получать всевозможные дипломы уже в рамках британской образовательной системы, ориентированной на численные показатели. Некоторые сомалийцы в шутку говорят, что теперь они эксплуатируют Британию – в отместку за былую колониальную эксплуатацию своей страны британцами. Единственное, что сомалийцы действительно ценят в Германии, это медицинское обслуживание.

чество временно проживающих в городе студентов) имеет небольшую, но в значительной мере социально самодостаточную общину сомалийцев.

Для самих ганцев, живущих в Германии, важно различие между «студентами» и «беженцами». «Студенты» – это те, кто приехал в Германию (иногда десятки лет назад) легально, чтобы учиться. Они уже имели лучшее ганское образование и в Германии приобрели дипломы и квалификацию следующего уровня. Они хорошо знают немецкий язык и немецкую жизнь, умеют жить в Германии. С их точки зрения, «другие беженцы», своим плохим поведением и необразованностью портят репутацию всех германских ганцев. С другой стороны, «беженцы», при любой возможности берущиеся за самую тяжелую работу, даже на рискованных условиях, противопоставляют себя «студентам» тем, что больше зарабатывают и больше экономят. Делается это для того, чтобы, когда-нибудь вернувшись в Гану, повысить там свой статус.

Опять же, аналогичное наблюдение можно сделать и в отношении сомалийцев. В сомалийской общине Германии существует настоящий раскол, отмеченный также взаимными предрассудками между теми, кто приехал до и после 1991 года. Приехавшие раньше были индивидуальными мигрантами, часто – студентами, они учили немецкий язык, хорошо интегрировались, иногда вступали в смешанные браки и т.д.; те же, кто прибыл в страну после 1991 г., во многих случаях отказывались учить язык и не хотели вступать с немцами в какие-либо социальные контакты. На некоторых музыкально-фольклорных мероприятиях в местных клубах и других общественных заведениях бывало так, что подростков-немцев выставляли за дверь. Многие сомалийцы не хотят видеть рядом с собой этих «необрезанных свиноедов», среди них сильна тенденция к самоизоляции и самодостаточности, поскольку они многочисленны и держатся вместе. Разумеется, более ранние успешно интегрировавшиеся мигранты критикуют такое отношение прибывших позднее, а те в свою очередь считают первых приспособленцами, перенявшими слишком много западного. Когда моя жена, сама сомалийка, спросила людей, которые выгоняли со своих мероприятий немецких подростков, сознают ли они, что вся их жизнь и деятельность зависит от выплачиваемого немцами *закята*, тем очень не понравилось предполагаемое сравнение германского налогообложения и предписанных исламом выплат в пользу бедных.

Выше я упоминал небольшой городок, где почти все не немцы знакомы друг с другом и питают друг к другу своего рода солидарность. В более крупных агломерациях чаще бывает по-другому, поскольку там больше групп, переходящих численный порог социальной самодостаточности.

Описав важность африканских христианских сообществ – в особенности пятидесятников – и различных этнических групп в рамках ганской общины, Нисванд обращается к туркам как к «релевантной группе». Отношения между турками и ганцами весьма напряженные. Ганцы обвиняют турок в расизме и считают нецивилизованными. Христиане родом с юга Ганы, составляющие основную часть германских ганцев, проецируют на германских турок свои негативные стереотипы по отношению к мусульманам Ганы. В турецких кварталах Берлина они узнают грязь и неопрятность *зонго* – торговых районов южно-ганских городов, населенных народом хауса (ван Дийк¹¹ также пишет о *зонго*. Как и собеседники Нисванда, ганцы, с которыми ван Дийк беседовал в Амстердаме и Гааге, также считают *зонго* местом обитания чужаков. Однако они подчеркивают пребывающую в этих кварталах духовную силу, а не их грязь). Сомалийцы, сами будучи мусульманами, совершенно не видят ничего общего между собой и германскими турками, а относятся к тем весьма сдержанно.

Эти примеры должны были показать, что на формы включения мигрантов влияет не только масштаб города. Часто они непосредственно зависят от величины группы. Мой интерес к величине групп сфокусирован, однако, не на проблемах миграции, а на конфликтологии. Поэтому я обращусь теперь к своим размышлениям, имевшим место в этом контексте. Ниже же речь вновь пойдет о миграции и о том, как эти размышления применимы к ней.

Политика идентичности, величина группы и нуэр айовы

Понятия, употребляемые для идентификации социальных групп и категорий, обычно существуют не в изоляции. Напротив, они формируют целые поля взаимосвязанных концепций (*Wortfelder* – «поля слов», семантические домены) или даже хорошо упорядоченные таксономии, в рамках которых понятия более низкого уровня, как более специфические, вкладываются в более общие понятия высокого уровня. Примеры таких вложенных понятий – диалекты как составные части языков и языки как составные части языковых семей, или подкланы как составные части кланов и т.п. Религии также подразделяются на секты или церкви, входящие в состав деноминаций более высокого уровня (например, протестантизма или православия), которые в свою очередь, объединяет убеждение в том, что они существуют в рамках христианства. Вместе с тем, научная классификация языков появилась только в XIX столетии. Понятие «религия» также не сразу было принято. По своей этимологии (*re-ligio* – «восстановление связи») слово «религия» предполагает дуалистический взгляд, в котором есть «этот мир» и «иной мир». Это может быть верно для христианства, иудаизма, ислама и зороастризма, но, разумеется, не для всех систем верований и риту-

альных практик, которые сегодня подводятся под определение религии. По крайней мере, в Африке местные системы верований, по-видимому, именуют себя «религиями» только при столкновении с христианством или исламом, в попытке заявить – по крайней мере, концептуально – свои претензии на равенство с ними. «Нации» и «национальные государства» возникли еще позднее. Хотя все понятия, которыми мы пользуемся, говоря об окружающем нас мире, организованы в таксономии («лошади» и «мыши» входят в более высокую категорию «млекопитающие»; «орхидеи» и «ячмень» – это «растения», и т. д.), некоторые из концепций, используемых нами для описания социальных реалий, как мы их воспринимаем, в последнее время были реорганизованы. Теперь они входят в новые, глобальные (или сверхрегиональные, региональные, в общем – широкомасштабные) гомогенизированные таксономии. Включаясь в универсализированную (недавно) категорию «религия», африканская система верований или сибирская форма целительства помещаются туда же, где находятся «ислам» и «христианство». Они приобретают универсальную применимость, по крайней мере, на уровне формального (предполагаемого) равенства.

Понятие «религия» здесь следует общей тенденции. Общие концепции, в которые вписываются более частные понятия, обычно глобализируются. Еще один пример того же понятие «этничность». Есть люди, не заявляющие о какой-либо своей этнической принадлежности, но их становится все меньше и меньше, поскольку этничность и национальность становятся универсальными факторами классификации. Определенные идентичности становятся частью всеохватывающих таксономий. Нередко можно наблюдать, как довольно-таки книжные, научные концепции прорываются в сферу политики и общественного восприятия. Например, принадлежность к той или иной языковой семье включается в публичный дискурс об идентичности, что вызывает иногда катастрофические последствия вплоть до геноцида (парадигматический случай – «арийцы» и «семиты», еще один пример – «банту» и «хамиты» в Руанде).

Таким образом, необходимо всегда помнить, чьи это концепции и кто и зачем их применяет. Классификации, для которых они подходят, верны не всегда – они являются лишь историческими, т.е. когда-то возникли и с тех пор изменяются. Тем не менее, изучение идентичности должно начинаться с выявления ее концептуальной логики – тщательного рассмотрения понятий и того, как они соотносятся друг с другом и с наблюдаемыми лингвистическими данными.

Логика понятийного пространства должна дополняться типологией *типов важности*, которую различные идентификации имеют для *акторов*. Как в речевой деятельности, где мы различаем язык и речь (*langue* и *parole* у Соссюра, *competence* и *performance* у Хомского), в дискурсе об идентичности мы также должны различать концептуальные рамки, которые можно изучать, не принимая во внимание самих акторов (если только мы не хотим описать их изменение, когда на сцену вновь выходят люди и генерируемые ими социальные силы), и непосредственное использование понятий для идентификации себя и других.

В своей речи мы можем идентифицироваться с той или иной категорией – всерьез или иронично. Здесь в дело вступает риторика. Можно утверждать свою принадлежность к определенной национальности только для властей, чтобы приобрести определенные права, или же считать это также значимым обстоятельством в кругу близких друзей и родственников.

Язык может быть всего лишь эмблемой идентичности, как для русскоязычных казахов, которые не говорят по-казахски, но указывают на существование этого языка как на элемент, подтверждающий существование казахов как этнической группы. Язык может иметь большую символическую значимость, как в Белфасте, где в повседневной жизни все говорят по-английски, но многие идут на курсы, чтобы выучить ирландский, который считают частью своего культурного наследия¹². Разумеется, язык может иметь одновременно и большую символическую, и практическую ценность, и может быть особенно близок нашему мышлению, внутреннему «я», если посмотреть на это с гердерианской – американцы сказали бы «с уорфианской» – точки зрения, согласно которой язык в значительной мере формирует наше мышление (читатель, не знакомый с упомянутыми в этих абзацах лингвистами, может обратиться за краткой справкой к соответствующим статьям «The International Encyclopaedia of the Social and Behavioral Sciences», а именно: «Linguists: Overview»¹³ и «Language and Ethnicity»¹⁴. Посвященная им литература весьма обширна).

Мы намеренно описываем все эти различия как переменные, а не дихотомии. Дихотомия – это весы всего с двумя чашами, а нам нужно больше. Социальная категория может иметь больший или меньший семантический размах со многими промежуточными значениями; то же касается и «веса» этих значений, приписываемого самой категории статуса и всего прочего, что мы можем о ней сказать. Для теоретических построений нужна вариация и ковариация.

Будучи антропологами, большинство исследователей, работающих вместе со мною над анализом конфликтов, употребляют «качественные» методы и не имеют нужды прибегать к сколько-нибудь сложной математике. Размечать наши шкалы измерения цифрами нам не приходится. Однако в пределах тех моделей, которыми мы мыслим, мы явно предпочитаем градуалистический подход, а не дихотомический.

Рассмотрев идентичность с двух этих точек зрения – системы понятий и их ценностного и эмоционального «веса» (говоря кратко, системного и акторского подходов) – мы ощущаем теперь необходимость в типологии изменений идентичности, которая нужна нам, чтобы ухватить социальную динамику, интересующую нас как социологов, и чтобы описать возникающую у нас теорию конфликтов.

Эти типы изменения идентичности охватывают как выбранную, так и навязанную идентичность (и вновь – с промежуточными значениями, как то: идентичность, выбранная в определенных стесняющих условиях; навязанная, но мягко...). Еще одно различие здесь проводится между индивидуальными/ситуационными изменениями идентичности (подчеркивание различных аспектов своей идентичности в различных ситуациях, вариант «сойду за такого-то» или более обязывающие формы, как то: обращение из одной религии в другую) – и историческими изменениями идентичности на групповом уровне (рост или падение статуса той или иной касты, появление новых этнических идентичностей, новое историческое самоопределение и т.п.). В подобных случаях измениться может как референтная группа, так и «идеологическое» содержание идентификации. Первая может также изменяться вследствие изменения второго. Социальная идентичность, чье содержание (описание, определение, имидж) изменяется, может утратить привлекательность для одних людей и приобрести – для других.

Следующим шагом в развитии нашей теории конфликта, после описания семантического пространства идентификации и предоставляемых им путей ее изменения – каналов идентификации – должно стать определение опций идентификации. Когда же речь идет об опциях, нам нужна *теория выбора*. Единственная такая теория, имеющаяся в нашем распоряжении, называется теорией рационального выбора, или ТРВ. О том, как следует применять ТРВ, идут постоянные споры. Ее слабое место – это, несомненно, «Р». Чем больше ценностей вы признаете, помимо чисто денежных и экономических, и чем лучше что-то понимаете, тем больше ваши выводы можно подвести под категорию «рационального», пока в конце концов в них не останется ничего «иррационального». Относительно «В» согласия больше. Нам, разумеется, нужна такая теория выбора, которая станет главным компонентом теории действия, или того, как мы описываем «действие» в нашей теории конфликта. В рамках действия есть также и такие его составляющие, как творчество и спонтанное побуждение, которые не могут быть смоделированы как ситуация выбора, однако в основном действие может быть описано как последовательность выборов.

Именно в этом поле выборов на сцену выходят побуждающие и сдерживающие факторы, порождаемые социальной и природной средой, затраты и выгоды – как материальные, так и нематериальные. Полезным представляется обдумать предполагаемые последствия акта идентификации. Ключевой переменной здесь кажется размер группы. Войти в состав большей или меньшей группы человека побуждают самые разные факторы; в соответствии с ними мы встречаем и дискурсы включения и дискурсы исключения. В большинстве случаев люди, пребывающие в неуверенном положении, остро нуждающиеся в том, чтобы расширить свою ресурсную базу, открывают свои группы для новых членов и стремятся к заключению более широких союзов, тогда как те, чье положение стабильно, а ресурсы – обильны, не видят нужды в кооптировании новых людей, с которыми пришлось бы делиться, и принимают более эксклюзивистские самоопределения. Однако величина группы – понятие относительное. Одни более расчетливы, когда речь идет о предоставляемых ими связях и навыках или же о затратах, которые они несут (если эти затраты тяжки или обременительны). Выбор ограничивается также такими сдерживающими факторами, как то, что необходимо соблюдать благовидность. Сколь привлекательна ни была бы определенная идентичность, в ней мало пользы, если она неблагоприятна и люди ее не «берут». Есть также и факторы, расширяющие возможность выбора. На индивидуальном уровне такой фактор – гибкость: одни люди лучше умеют растягивать и изгибать рамки категорий, чем другие.

То, что социальные идентичности не неизменны, а подвержены непрерывному процессу идентификации (я лично предпочитаю говорить о работе по идентификации), тесно связано с конструктивистской перспективой, давно уже доминирующей в общественных науках. Каждое изменение идентичности затрагивает величину группы. Крайне маловероятно, чтобы два разных определения групповой идентичности охватывали в точности одно и то же количество людей. «Размер» группы, как и ее «масштаб» – это переменная, важность которой столь очевидна, что можно только удивляться (и это удивление мы выше уже выразили), почему до сих пор ее не изучали более систематично. Со времен Барта¹⁵ никто не сомневается в том, что социальные идентичности и различия строятся на противопоставлении себя другим идентичностям. «Граница» определяется там, где свое встречается с чужим. Она ситуативна и может меняться (в определенных пределах, которые также необходимо изучить) в зависимости от тех или иных соображений. Отсюда практически следует то, что мигранты должны выработать новые формы этничности. Они живут в новых границах, с новыми «другими», и если граница – это то, где артикулируется этничность, значит, новые границы должны породить новые этничности.

И тем не менее, в сфере исследования народа фульбе мы с Юсуфом Диалло были одними из первых, кто систематически сравнивал различные группы фульбе, как «старых» мигрантов, так и «новых», распространившихся по всей Африке, в отношении к различным формам этничности и взаимодействия с другими, развившимися у фульбе в разных условиях¹⁶.

Миграция может также способствовать росту религиозности и новых форм религиозной идентификации. История полна примеров того, как миграция была вызвана религиозными преследованиями, но можно посмотреть и наоборот: не религию представить как причину миграции, а миграцию – как причину религии; увидеть, как в ответ на новую социальную ситуацию, в которой оказываются мигранты, возникают новые формы религии. У турок в Берлине ислам определенно принимает формы, отличные от тех, что существуют в Турции. Борис Нисванд в своей работе много пишет о пятидесятничестве и других восторженных формах христианства у ганцев в Германии. Немало рассказывает о христианстве в среде африканцев, живущих в Галле, и Нина Глик Шиллер¹⁷.

Ключевым фактором в этих процессах идентификации и ре-идентификации является, как мы уже писали, размер группы – не только реальный, но и то, группу какого размера данный идентификационный дискурс стремится сформировать. Если некто богат ресурсами и не нуждается для их защиты в чьей-то помощи, он скорее определит для себя довольно узкую идентичность, и в результате ему мало с кем придется ими делиться. Если же кому-то нужна более широкая солидарность, он обнаружит сходства, которые позволят обозначить очень широкую идентификацию. Размер получающихся в результате групп – важный фактор информирования решений, связанных с идентификацией, и риторики распространения тех или иных идентичностей. Риторика эта бывает инклюзионистской и эксклюзионистской.

Проиллюстрирую одним единственным примером влияние миграции на групповые идентичности и размеры групп. Пример этот я возьму из недавно завершенной докторской диссертации Кристианы Фалге под названием «The Global Nuer» – «Всемирные нуэр»¹⁸. Народ нуэр является, конечно, одним из парадигматических объектов антропологии. Всем известно классическое исследование Эванс-Притчарда и разработанная в нем плодотворная, широко применяемая сегментарная модель родства. Кристиана Фалге рассматривает Эванс-Притчарда в свете своих собственных данных и – несмотря на всю деконструкционистскую критику последних трех десятилетий – в целом находит его анализ вполне адекватным. В выделении своей сегментарной системы нуэр определяют в качестве своей близкой родни узкий круг родственников по мужской линии. Именно эта близкая родня участвует в определенных совместных действиях, например, вкладывается в уплату выкупа за невесту.

В результате принятой в США политики переселения беженцев многие нуэр оказались в Айове, где часто работают в мясоконсервной промышленности. Живут они главным образом в небольших городках, где есть крупный мясокоткомбинат. С афроамериканцами – потомками рабов – они себя никак не отождествляют. Вместо этого нуэр идентифицируют себя с консервативными белыми христианами среднего класса, активно участвующими в церковной жизни, в том числе в миссионерской активности и «гуманитарных» акциях, включая помощь беженцам. В Америке нуэр на горьком опыте узнают, что эти братья во Христе не считают их себе ровней в социальном плане. Их социальные связи главным образом ограничены контактами с другими нуэр, политические интересы – в основном политикой Судана. Американский паспорт и наличие работы в США позволяют им посещать свою родину, вкладывать там деньги, обзаводиться младшими женами и участвовать в политической жизни страны. Пользуясь терминами Нины, речь идет здесь о довольно односторонней инкорпорации, фокус которой – страна происхождения.

При женитьбе им все так же приходится уплачивать выкуп; нужны близкие родственники и для массы других дел. Поскольку в Америке нуэр меньше, чем в родной стране, здесь они расширяют круг тех, кого считают «близкой родней», включая в него больше типов родства. Категория эта становится у них более широкой, чтобы охватывать больше людей: эта новая модель идентификации порождена соображениями размера группы и возникает в ответ на условия миграции.

Есть и более широкие, действительно глобальные идентификации. Они процветают как в городских, так и во внегородских средах. Нуэр считают себя крестоносцами, ведущими борьбу против ислама на стороне добра в войне против террора. Принадлежность к одной группе с Джорджем Бушем (в то время, когда писала свою работу Фалге) придает им ощущение собственной силы. Американские правые, которых нуэр также считают сражающимися против ислама крестоносцами, вряд ли публично согласятся с таким наименованием. Но если эта идентификация основана на недоразумении, оно, видимо, вполне удобно, поскольку заинтересованные лица практически ничего не делают, чтобы его опровергнуть.

При более тонком анализе в дело вступает также и масштаб города. Все нуэр в США утверждают за собою христианскую идентичность (хотя в Судане христиане составляют среди нуэр лишь меньшинство, хотя и значимое). В маленьком городе, однако, им приходится присоединяться к любой действующей там церкви, тогда как в большом городе у них есть выбор между множеством деноминаций, вследствие чего

они разделяются – причем часто границы между разными деноминациями проходят у них по тем же линиям, что и границы между кланами. Иными словами, – везде размер группы и масштаб города.

«Масштаб» и «размер» Европейских и Североамериканских городов

Существование корреляции – может быть даже и не одной – между «масштабом города», размером наблюдаемых в нем групп и их субструктурированностью довольно очевидно. Трудно представить себе, чтобы масштаб города был никак не связан с инклюзивностью или эксклюзивностью социальных идентичностей, которые приписывают себе или друг другу его жители, и с размером определяемых этими идентичностями групп. Читая вышедшую под редакцией Глик Шиллер и Чаглар книгу в поисках такого типа взаимоотношений, мы не находим когерентной теории, которая бы их описала – да и вряд ли от коллективного труда можно ожидать подобной степени когерентности. В нем есть, однако же, догадки, достаточно интересные, чтобы имело смысл прочесть всю книгу глава за главой и выяснить, что каждый из авторов говорит о взаимосвязи масштаба и величины.

Во введении Глик Шиллер и Чаглар объясняют, ссылаясь на Бреннера¹⁹, что городской масштаб действует «как локализованный узел в глобально организованных потоках», и что он как-то связан с «иерархиями городского статуса». Среди индикаторов городского масштаба – «величина и мощность банковского сектора, относительный успех в привлечении потоков капитала», а также образование и другие факторы развития. «Величина населения города – не абсолютная мера, а отражение региональных, национальных и глобальных взаимоотношений. Сама по себе она не является индикатором масштаба», но часто взаимодействует с перечисленными в книге в качестве таких индикаторов факторами.

«Масштаб» здесь – нечто явственно отличное от «величины», но все же связанное с нею. Понятие «масштаб», по-видимому, отделялось от понятия «размер» постепенно. В прошлом оно было к нему ближе. Самерс²⁰ объясняет, что «масштаб города», вероятно, указывает на его размер», особенно в том, что касается «крупных и “мировых” или “глобальных” городов». Он противопоставляет это понимание другому значению этого же термина, которое «появилось в конце 1980-х годов» и подразумевает точки (уровни?) «“выше”, “ниже” или “вне” масштаба национального государства», т.е. нечто, соотносящееся с иерархическим аспектом, также упомянутым Ниной Глик Шиллер. Допускает Самерс и другие перспективы: «“масштаб” определяется рассматриваемым процессом, а не наоборот».

Наблюдение, согласно которому «масштаб» с развитием этой концепции отодвинулся от «размера», подтверждается моим прочтением старых работ. Слово «масштаб» употреблялось в значении «размер плюс что-то еще»; согласно Барту оно «позволит нам охватить фундаментальные аспекты “величины” и “сложности”»²¹. От значения «размер плюс что-то еще», в данном случае – плюс сложность, в последнее время «масштаб» перешел по своему значению к чему-то отличному от «размера», хотя и взаимодействующему с ним.

Не упоминая термин «величина группы», Бреттелл²² делает интересное наблюдение того, как она в конкретном случае взаимодействует с «масштабом». Масштаб Далласа как центра информационных технологий меньше, чем у Силиконовой долины; как следствие, индийцев здесь недостаточно, чтобы в каждом кампусе сформировать отдельные группы выпускников. В результате все они объединились в общую организацию, несмотря на «гордость» каждого кампуса, которая побуждала бы их предпочесть отдельные организации. Этот аргумент, конечно же, касается величины группы: в данном случае недостаточная величина группы является следствием невысокого положения города на масштабной шкале.

В книге много и других подобных аргументов, скрытых за терминологией, относящейся, казалось бы, только к масштабу. Из рассказа ван Дийка о ганцах, живущих в Амстердаме и Гааге²³ мы узнаём, что ганцы эти входят во всемирную сеть пятидесятников. Говорит ли это только о масштабе? В данном случае «всемирная» – это по сравнению с «локальным» характером Амстердама или сельских местностей Ганы? (На самом деле ее «всемирный» характер можно назвать также «транснациональным», поскольку американский элемент в ней превалирует^{III}). Не идет ли речь также о величине их сетей поддержки? Что значит это с точки зрения таксономических уровней? Пятидесятничество – одна из христианских деноминаций, относящаяся не к основным течениям христианства, а к так называемым «харизматическим». Переключение идентификации с «христианской» на «христианско-пятидесятническую» – это переход от общего к частному, с более высокого на более низкий таксономический уровень. Возможно, однако, что глобальные связи, которые дает эта более узкая, эксклюзивная идентификация, имеют особую ценность.

Гуд²⁴ описывает «путаницу между величиной населения и масштабом», возникающую не у ученых, а у некоторых из социальных акторов, с которыми она работала. Высокие должностные лица и риелторы, устроившие кампанию по привлечению ньюйоркцев в Филадельфию, не понимали, что с ростом населе-

^{III} Общины пятидесятников существуют в Гане, Перу, Кыргызстане и многих других странах. Однако для каждой из этих групп связь с аналогичными общинами в США гораздо более существенна, чем друг с другом. В США находится центр данной сети.

ния Филадельфии ее положение на масштабной шкале понизится, поскольку станет еще более понятно, что все дела делаются в Нью-Йорке, а Филадельфия – это недорогой спальный район. Предполагается, что если бы эти группы акторов знали о данной «путанице» (негативном имиджевом эффекте), они не стали бы проводить такую кампанию. Хотя в конечном счете, разумеется, риелторы руководствуются не положением города на масштабной шкале и не его имиджем, а непосредственно реальным спросом, выражающимся в ценах на недвижимость.

Там же, в Филадельфии, Гуд описывает форму солидарности, возникшую среди всех иммигрантов, которые пока что говорят по-английски так, что по их речи ясно, что этот язык они выучили недавно. Эта солидарность – реакция на «лингвистическую расиализацию». «В отсутствие критической массы клиентов-корейцев, относящихся к профессиональному и торговому классам, другие мигранты воспринимаются как предпочтительные по сравнению с местными уроженцами – белыми и представителями расовых меньшинств, поскольку и тех, и других считают расистами по отношению к цветным и/или тем, для кого английский – не родной». Здесь мы видим аргумент, касающийся размера группы, и другой, касающийся идентификации: если бы торговцам-корейцам хватало покупателей-корейцев, им не было бы дела до других людей. На недостаточный размер своей собственной «единородной» общины корейцы реагируют с помощью довольно необычной идентификационной стратегии: они включают в «свою» группу всех приезжих, несмотря на различия между ними, противопоставляя их коренным жителям.

Мюриды, желая расширить свое влияние в Нью-Йорке, поступают так, как никогда бы не поступили у себя в Сенегале: вовлекают в свою деятельность – даже в публичные дебаты – женщин, а также разыгрывают «африканскую карту», чтобы привлечь афро-американцев. Возможно, Зальцбрюнн²⁵ согласилась бы, что они пытаются расширить свою базу двумя способами: выходом за границу между полами и между этническими группами.

Сравнивая два маломасштабных города – Галле (Германия) и Манчестер (Нью-Гемпшир, США), Нина Глик Шиллер и Айше Чаглар²⁶ приходят к заключению, что формирование этнических сообществ – не самый жизнеспособный путь к инкорпорации. Причина здесь не только в том, что в городе живет недостаточно представителей данной этнической группы, чтобы они могли сформировать вокруг человека сеть и социальную среду, но также и в том, что сами города не могут обеспечить отдельные услуги этническим группам, численность которых недостаточно для этого велика. Взаимное влияние величины группы и масштаба города или поселения в Галле и Манчестере по-своему напоминает выводы, сделанные Берремманом относительно обитателей индийских деревень, Бреттелл – о совершенно других индийцах, живущих в Далласе, а Гуд – о Филадельфии. Альтернативу представляет собой религиозная инкорпорация²⁷.

Заключение

Вопросом о размерах групп я интересуюсь уже не первый год²⁸; значительная часть трудов других сотрудников моего отдела также затрагивает размер группы как важную переменную. Мы с Ниной Глик Шиллер неоднократно и довольно безрезультатно дискутировали о том, нужно ли говорить о «размере» или о «масштабе». Мой вывод состоит в том, что это два разных понятия. Размер, вне всякого сомнения, один из факторов, влияющих на масштаб города; между масштабом и размером много других взаимосвязей. Чтобы их изучить, нужно аналитически разделять оба понятия; если позволить им слиться, взаимоотношения между ними перестанут быть видимы.

Наше прочтение работ Глик Шиллер и Чаглар²⁹ показало, что понятие «масштаб» в них очень хорошо заметно. Однако для анализа представленного здесь материала необходимо отказаться от того, чтобы сосредотачивать внимание только на «масштабе». Нам потребуются также «размер», таксономические уровни, уровни инклюзивности в различных понятийных измерениях, между которыми человек переключается в ходе своего идентификационного дискурса. «Масштаб» – это лишь один из понятийных инструментов, которые нужны нам для того, чтобы структурировать свое ментальное представление о социальном мире. Само по себе это понятие комплексное. Это – специальный инструмент для особых задач, а не универсальное орудие. Пользуясь им, можно легко запутаться, если не внять тому, о чем предупреждал нас три десятка лет назад Берремманн: «Используя понятие “масштаб” в социальном анализе, нужно ясно определить, с чем мы что-либо сравниваем, а также то, как мы оперируем составляющими его измерениями и взвешиваем их»³⁰.

- ¹ Locating migration. Rescaling cities and migrants // eds. by *N. Glick Schiller, A. Çağlar*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2011.
- ² *Schlee G.* Afterword: An ethnographic view of size, scale, locality // *Locating Migration*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2011. P. 235–242.
- ³ *Glick Schiller & Çağlar A.* (eds.). *Locating migration*.
- ⁴ *Furnivall J. & Sydenham J.* Colonial policy and practice. A comparative study of Burma and the Netherlands India. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. P. 303–312.
- ⁵ *Berremán G.D.* Scale and social relations: Thoughts and three examples // ed. by *F. Barth*. Scale and social organisation. Oslo, Bergen, Tromsø: Universitetsforlaget, 1978. P. 46–48.
- ⁶ *Ibid.* P. 56–61.
- ⁷ *Nieswand B.* Theorizing transnational migration: The status paradox of migration. N. Y.; L.: Routledge, 2011.
- ⁸ *Schlee G. & Schlee I.* Ghanaische und Somali-Migranten in Europa – ein Vergleich zweier Diasporen // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2012. № 137. P. 1–22.
- ⁹ *Nieswand B.* Ghanaian migrants in Germany and the status paradox of migration: A multi-sited ethnography of pathways of migrant inclusion: Doct. dissert. Halle Saale: University of Halle-Wittenberg, Philosophical Faculty. I. 2008.
- ¹⁰ *Abdulkadir M.A.* The changing nature of the global refugee and immigration movement: the case of Somali people: Doct. thesis. University of Bielefeld, Faculty of Sociology, 2001.
- ¹¹ *Van Dijk R.* Cities and the social construction of Hot Spots: Rescaling, Ghanaian migrants, and the fragmentation of urban spaces // *Locating Migration*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2011. P. 104–122.
- ¹² *Zenker O.* Irishness is all around us. Language revivalism and the culture of ethnic identity in Northern Ireland // *Integration and conflict studies*. N. Y.; Oxford: Berghahn Books, 2013. Vol. VI.
- ¹³ *Crystal D.* Linguistics: Overview // *International encyclopedia of social and behavioral sciences*. Amsterdam etc. Elsevier, 2001. P. 8948–8954.
- ¹⁴ *Schlee G.* Language and ethnicity // *International encyclopedia of social and behavioral sciences*. Amsterdam etc. Elsevier, 2001. P. 8285–8288.
- ¹⁵ *Ethnic groups and boundaries* // ed. by *F. Barth*. L.: Allen & Unwin, 1969.
- ¹⁶ *Diallo Y. & Schlee G.* (eds.). *L'ethnicité peule dans des contextes nouveaux*. Paris: Karthala, 2000.
- ¹⁷ Cp.: *Glick Schiller N. & Çağlar A.* (eds.). Downscaled cities and migrant pathways: Locality and agency without an ethnic lens // *Glick Schiller N. and Çağlar A.* (eds.). *Locating migration*. P. 190–212.
- ¹⁸ *Falge Ch.* The global Nuer: Modes of transnational livelihoods: Doct. thesis. University of Halle-Wittenberg, Philosophical Faculty I, 2006.
- ¹⁹ *Brenner N.* The urban question and the scale question: Some conceptual clarifications // *Locating Migration*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2011. P. 23–41.
- ²⁰ *Samers M.* Socioterritoriality of cities: a framework of understanding the incorporation of migrants in urban labor markets // *Locating Migration*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2011. P. 42–59.
- ²¹ *Barth F.* Conclusion // *Barth F.* Scale and social organisation. P. 253.
- ²² *Brettell C.B.* Scalar positioning and immigrant organizations: Asian Indians and the dynamics of place // *Locating Migration*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2011. P. 85–105.
- ²³ *Van Dijk R.* Cities and the social construction of Hot Spots: Rescaling, Ghanaian migrants, and the fragmentation of urban spaces // *Locating Migration*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2011. P. 104–122.
- ²⁴ *Goode J.* The campaign for new immigrants in urban regeneration: Imagining possibilities and confronting realities // *Locating Migration*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2011. P. 143–165.
- ²⁵ *Salzbrunn M.* Rescaling processes in two «global» cities: Festive events as pathways of migrant incorporation // *Locating Migration*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2011. P. 166–189.
- ²⁶ *Glick Schiller N. & Çağlar A.* (eds.). Introduction: Migrants and cities // *Locating Migration*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2011. P. 1–19.
- ²⁷ Cp.: *Glick Schiller N., Nieswand B., Schlee G., Darieva T., Yalçın-Heckmann L. & Fosztó L.* Pathways of migrant incorporation in Germany // *Transit*. 2005. Vol. 1. Is. 1. Art. 50911 (<http://escholarship.org/uc/item/90b8w0dh>).
- ²⁸ Обзор см.: *Schlee G.* *How Enemies are Made*. Oxford; Berghahn, 2008.
- ²⁹ *Glick Schiller N., Çağlar A.* (eds.). *Locating migration*.
- ³⁰ *Berremán G.D.* Scale and social relations: Thoughts and three examples // ed. by *F. Barth*. Scale and social organisation. P. 75.